

В.А. Ильиных

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В СИБИРИ (КОНЕЦ 1890-х – НАЧАЛО 1940-х ГОДОВ): ТЕНДЕНЦИИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Наиболее значимым институтом крестьянства как особой социальной общности является семейное хозяйство (двор). Анализ его развития позволяет выявить основные тенденции и этапы процесса раскрестьянивания. Целостную картину эволюции крестьянского двора в масштабах всей страны невозможно воссоздать без исследования особенностей его функционирования в рамках отдельных регионов. Одним из важных аграрно-крестьянских и в то же время специфичным районом России в рассматриваемый период оставалась Сибирь.

К концу XIX в. крестьянское хозяйство в Сибири прошло достаточно длительный путь становления и развития, в ходе которого оно стало абсолютно преобладающей организационно-производственной формой аграрной экономики региона, обеспечивающей как свои внутренние потребности в сельхозпродуктах, так и нужды некрестьянского населения края и прилегающих к нему территорий. За его счет выполнялись натуральные и денежные обязательства крестьян перед государством. Наряду с производственной, семейное хозяйство выполняло функции демографического и социокультурного воспроизводства крестьянства.

Принципиальных качественных отличий хозяйство сибирских крестьян от крестьянских дворохозяйств в европейской части России, как, впрочем, и в других странах, не имело. Как и везде, оно существовало в рамках сельской общины, которая обладала правом регулирования землепользования и социального контроля. Принадлежало хозяйство всей семье и обрабатывалось полностью или в основном совокупным трудом ее членов (семейная кооперация). Каждый член семьи действовал в соответствии с традиционными нормами семейно-ролевого трудового и социального поведения. Характерными чертами крестьянского хозяйства являлись низкий уровень его специализации и товарности, абсолютное преобладание ручного труда, применение экстенсивных агротехнологий и простого инвентаря. Основывалось оно на естественных производительных силах, что предопределяло природно-экологическую обусловленность производства и его результатов. Количественные и качественные параметры главных производительных сил крестьянского хозяйства –

обрабатываемой земли, живого труда его членов, сельскохозяйственных животных – были основой определения его социального статуса как внутри общины, так и во взаимоотношениях с властью.

Демографическая дифференциация крестьянства (различия отдельных хозяйств по размеру и составу семьи) во многом детерминировала его имущественную дифференциацию (различия по количеству обрабатываемой земли, рабочего и продуктивного скота и т.п.). Малолюдное хозяйство, как правило, являлось маломощным, а многолюдное – более зажиточным. При этом крестьянское семейное дворохозяйство вероятностным образом проходило ряд этапов своего развития. Молодая семья, состоящая из мужа, жены и малолетних детей, была относительно бедной. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей происходило наращивание ее состоятельности. Женитьба сыновей и появление нескольких молодых семей в составе материнского хозяйства чаще всего приводило к его превращению в зажиточное. Раздел означал возникновение новых, значительно менее состоятельных хозяйств.

Восходящий (переход хозяйств в более высокие имущественные группы по мере увеличения размеров семей) и нисходящий (переход в более низкие группы после разделов) потоки социальной динамики могут взаимно уравновешивать друг друга, и тогда уровень дифференциации деревни остается неизменным. Однако чаще всего под влиянием экономической конъюнктуры, масштабных политических событий (войн и революций), природно-экологических катаклизмов (эпизоотий и неурожаев) указанные потоки выходят из состояния равновесия. Если при этом рост состоятельности молодых семей задерживается, а количество разделов увеличивается, социальная мобильность крестьянства приобретает преимущественно нисходящую направленность, и в итоге в деревне происходит общий сдвиг вниз. Ускорение хозяйственного роста приводит к преобладанию восходящей ее направленности и сдвигу вверх. В результате значительного увеличения удельного веса одной из социально-имущественных групп за счет других происходит нивелировка деревни. Рост полюсных групп за счет средних слоев знаменует собой процесс разложения крестьянства [1].

Типологическое тождество семейного дворохозяйства сибирских крестьян с хозяйством крестьян в других регионах страны не означало полного отсутствия его особенностей, проявив-

шихся вследствие действия ряда специфических социально-политических и природно-географических факторов. Сибирь не знала классических форм крепостного права, а местные крестьяне были избавлены от помещичьего патернализма. Имевший место в регионе государственный патернализм был более мягким. Отсутствовала в Сибири и жесткая внутриобщинная "уравниловка", которая, как и помещичья опека, деформировала хозяйственную ментальность крестьян. Сибирский крестьянин обрабатывал земли столько, сколько мог и терял право на пользование участком только после окончания его эксплуатации. Община, как правило, размеры пахотных наделов не ограничивала и их уравнильных пределов не устраивала. Почти повсеместным объектом переделов являлись лишь естественные сенокосы.

Особенности аграрных отношений в регионе обуславливали относительно высокую степень экономической состоятельности и предприимчивости сибирских крестьян. Наличие значительного количества свободных сельскохозяйственных угодий создавало благоприятные условия для реализации указанных качеств в хозяйственной практике. В результате средние размеры крестьянских дворов в Сибири превосходили размеры хозяйств в большинстве регионов европейской части страны. При этом темпы набора состоятельности в хозяйствах сибирских крестьян по мере увеличения их людности были выше, а имущественная разница между бедными и зажиточными дворами больше, чем в Европейской России.

В начале XX в. функциональные характеристики крестьянского семейного дворохозяйства в Сибири оставались прежними. Изменения касались лишь количественных его параметров. На их динамику воздействовал комплекс взаимосвязанных факторов, среди которых наиболее важными являлись транспортное строительство, аграрное переселение и расширение рыночных отношений.

Сооружение Транссибирской магистрали позволило значительно увеличить масштабы аграрного переселения в регион, одним из следствий которого стало значительно превышающее естественный прирост увеличение сельского населения края и числа крестьянских дворов. За 1896—1913 гг. в Сибирь переселилось более 3-х млн человек. Из них примерно половина осела в Томской губернии, 1/5 – в Акмолинской и примерно 1/8 – в Енисейской губернии. Пик переселенческого движения пришелся на 1906—1910 гг., когда в регион в среднем за год вселялось по 500

тыс. чел. В 1885—1905 гг. данный показатель составлял 76 тыс., в 1911—1913 гг. – 270 тыс. чел. С 1897 по 1914 г. сельское население края выросло с 5,3 до 9,2 млн чел. Около 2/3 прироста обеспечили крестьяне-переселенцы [2]. Число крестьянских хозяйств в Сибири в 1914 г. по сравнению с 1897 г., по нашим подсчетам, увеличилось в 1,6 раза (в Томской губернии – почти в 2 раза).

Массовое переселение, помимо прироста числа крестьянских хозяйств, вызвало увеличение их людности. В силу ряда причин семьи переселенцев были больше, чем у старожилов. Во многом в результате этого средний состав семейного крестьянского двора в регионе вырос с 5,7 в 1897 г. до 6,1 чел. в 1917 г. [3]

Переселенческое движение способствовало ускорению роста производительных сил аграрной экономики Сибири. С 1898 по 1913 г. переселенцы вовлекли в сельскохозяйственный оборот 16,5 млн дес. новых земель. Новые угодья осваивали и сибиряки-старожилы. За счет труда новоселов и старожилов посевные площади в крае с 1897 по 1914 г. увеличились в 2,2 раза, а в Томской губернии, принявшей половину переселенцев, – в 2,8 раза [4]. Темпы прироста скота были не столь внушительными. Среднегодовая численность поголовья в 1911—1917 гг. превышала показатель 1891—1900 гг. по лошадям в 1,3 раза, по КРС – в 1,5, по овцам и козам – в 1,2 раза. В Томской губернии прирост поголовья в 1914 г. по сравнению с 1897 г. составил по лошадям 75%, по КРС – 90, по овцам и козам – 80% [5].

Транссибирская магистраль не только привела к увеличению масштабов аграрного переселения в регион, но и создала возможности для организации широкомасштабного экспорта сельхозпродукции. Крестьянские хозяйства стали более активно вовлекаться в рыночные отношения и наращивать свою товарность. Наиболее высокими темпами в начале XX в. в регионе росло товарное производство животного масла, от 80 до 90% которого вывозилось за границу. В 1894 г. на внешних рынках было реализовано всего 400 пудов сибирского масла, через 10 лет (1904 г.) – 2 млн пудов, а в 1913 г. – около 5,7 млн пудов. В 1909 – 1913 гг. Сибирь поставляла 16% мирового экспорта данного продукта и 60% российского [6].

Успехам сибирского маслоделия способствовало государство, которое всемерно содействовало организации крестьянской молочной кооперации и устанавливало льготные железнодорож-

ные тарифы для перевозки масла, идущего на экспорт. Рост производства масла стал показателем смены специализации сибирского животноводства с мясной на молочную. Результатом изменения стало увеличение доли крупного рогатого скота (КРС) в составе крестьянского стада и увеличение доли продуктивных коров в составе стада КРС.

В рамках растениеводства в Сибири начала XX в. утвердилось зерновое (преимущественно пшеничное) растениеводство. Среднегодовой валовой сбор хлебов в регионе в 1913—1917 гг. составлял 361,3 млн пудов, что почти в 2,5 раза превышало показатель 1901—1905 гг. В 1906—1917 гг. из Сибири ежегодно вывозилось от 30 до 80 млн пудов зернопродуктов, из которых от трети до половины шло на экспорт. В вывозе хлеба преобладала пшеница: ее удельный вес колебался от 67 до 77%. С 36,5 (1901—1905 гг.) до 45,3% (1911—1915 гг.) увеличилась доля пшеницы в общей площади посева. Доля региона в производстве хлеба всей страны в конце XIX в. составляла 6,4%, в 1909—1913 гг. — 7,1, а в 1917 г. — поднялась до 16% [7].

В целом же зерновое хозяйство в крае развивалось не столь быстро, как маслоделие. Темпы его роста сдерживались первоначально малой пропускной способностью Транссиба (для вывоза объемов зернопродуктов в стоимостном выражении равного вывозу компактного для перевозки животного масла требовалась более мощная магистраль) и тарифной политикой государства. Царское правительство, защищая помещичий хлеб европейской части империи от конкуренции со стороны дешевого сибирского крестьянского хлеба, с момента открытия Транссибирской магистрали ввело так называемый "челябинский тарифный перелом". В соответствии с ним кроме общего пудоверстного сбора с сибирского хлеба после Челябинска взималась плата, равная еще одному сбору. Дискриминационная практика была отменена лишь в 1913 г. [8]

Динамика развития аграрной экономики в целом отличалась от изменений количественных параметров производительных сил среднестатистического крестьянского хозяйства. Данные о размерах крестьянского двора в регионе в целом имеются только для 1913 г. и периода первой мировой войны. Для более раннего времени об общих тенденциях его эволюции можно судить по среднедушевым показателям. В 1897 г. на одного жителя Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний в среднем приходилось 0,71 дес., на одного сельского жителя — 0,77

дес. [9], на одно крестьянское хозяйство (при людности в 5,7 чел.) – не менее 4,4 дес. посева. По нашим оценкам, вплоть до 1901 г. среднедушевые показатели площади посева росли. В 1902 г. в связи с катастрофическим неурожаем предыдущего года они снизились примерно на 1/5, а затем вновь начали увеличиваться. В 1905—1914 гг. посевная площадь (в дес.) в расчете на одного жителя указанных губерний составляла [10]:

1905 г. — 0,73	1910 г. — 0,67
1906 г. — 0,77	1911 г. — 0,65
1907 г. — 0,71	1912 г. — 0,67
1908 г. — 0,66	1913 г. — 0,80
1909 г. — 0,70	1914 г. — 0,83

Снижение показателей в 1907—1908 и 1910—1911 гг. было вызвано массовым наплывом переселенцев, которые в первые годы своей жизни в Сибири не могли засеивать большие участки пашни, а также неурожаями 1909 и 1911 гг. С 1912 г. начался рост среднедушевых размеров посевных площадей. Их стали наращивать постепенно адаптирующиеся к местным условиям переселенцы предыдущих лет. Существенный вклад в данный процесс вносили старожилы основных зернопроизводящих районов края. Увеличение посевов в значительной части их хозяйств являлось постоянно действующей тенденцией, прерываемой только в посленеурожайные годы.

В 1914 г. площадь посева на одного сельского жителя четырех губерний региона составила 0,92 дес., что на 1/5 было больше показателя 1897 г. При этом посевы пшеницы увеличились на 2/5 (0,30 дес. на одного сельского жителя в 1897 г. и 0,42 дес. в 1914 г.) [11]. Если исходить из людности крестьянского хозяйства в 1914 г. в 6,1 чел., то на него приходилось 5,6 дес. посевной площади, или на 28% больше, чем в 1897 г. Общая посевная площадь в этих губерниях выросла в 2 раза.

Динамика среднедушевых показателей поголовья скота в целом соответствовала динамике посевной площади, но в то же время имела некоторую специфику по отдельным видам. В 1897 г. на одного жителя Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний приходилось 0,67 лошадей, 0,70 голов КРС и 0,90 овец и коз, в 1905 г. – соответственно 0,63, 0,81 и 0,87 голов [12]. На снижение количества лошадей и малого рогатого скота повлияло изменение специализации сибирского животноводства с мясной на молочную, а также два подряд неурожая

трав в 1901 и 1902 гг. Сбросив в результате бескормицы общее поголовье скота, крестьяне в первую очередь стали наращивать приносящее большую прибыль стадо КРС и, прежде всего, коров. В 1906—1914 гг. поголовье скота в расчете на одного жителя указанных губерний изменялось следующим образом [13]:

	лошади	КРС	овцы и козы
1906 г.	0,62	0,78	0,84
1907 г.	0,60	0,71	0,82
1908 г.	0,54	0,63	0,79
1909 г.	0,55	0,66	0,79
1910 г.	0,57	0,67	0,69
1911 г.	0,49	0,56	0,55
1912 г.	0,50	0,56	0,54
1913 г.	0,54	0,63	0,63
1914 г.	0,56	0,64	0,65

Причины снижения количества скота в 1906—1908 и 1911 гг. были теми же, что и для посевных площадей: массовый приток переселенцев и неурожай. Наращивание поголовья в переселенческих хозяйствах и его восстановление после бескормицы во всех хозяйствах требовало больше времени, чем увеличение пашни. В связи с этим среднедушевые показатели по скоту в 1909—1910 гг. росли крайне медленными темпами, в 1912 г. остались фактически неизменными и начали увеличиваться с 1913 г., а не с 1912 г., как посевные площади. По той же причине количество скота в расчете на одного жителя в 1914 г. было меньше, чем в 1897 г. Среднедушевые показатели снизились по всем анализируемым губерниям. Но если для Томской и Енисейской губерний это стало следствием массового переселения, то для Тобольской и Иркутской, в которых, как указывалось выше, уменьшились показатели площади посева, свидетельствовало о кризисных явлениях в сельхозпроизводстве, связанных с постепенным исчерпанием свободных угодий. Повышение людности крестьянских хозяйств отчасти компенсировало снижение среднедушевых показателей. По нашим оценкам, среднестатистическое подворье сибирских крестьян в 1914 г. по сравнению с концом XIX в. имело меньше лошадей и малого рогатого скота, примерно столько же голов КРС и несколько больше коров.

В 1913 г. на одно крестьянское хозяйство на территории будущего Сибирского края приходилось 6,05 дес. посева (в т.ч. 2,96 дес. пшеницы и 1,68 дес. овса), 3,72 голов лошадей, 4,51 го-

лов КРС, 2,25 коров, 4,82 овец и коз, 1,79 свиней. Хозяйство состояло из 6,04 человек [14]. Товарность крестьянской экономики, несмотря на значительные объемы поставляемой на рынок продукции, была невелика и составляла в 1913/14 г. по зерновым 13,1, по молоку – 14,1% [15].

Начавшаяся первая мировая война не сразу остановила поступательное движение сибирского сельского хозяйства. Количество всех видов скота в регионе росло до 1916 г. включительно. И лишь в 1917 г. усиленный армейский спрос на мясопродукты в сочетании с прекращением экспорта животного масла вызвал сброс поголовья. В то же время постоянно растущий спрос на хлебобродушки стимулировал развитие зернового производства. В результате посевные площади, несколько снизившись в 1915 г. (на 3,5%) и в 1916 г. (еще на 1,2%), вновь увеличились в 1917 г., превысив показатели 1914 г. [16] Посевы пшеницы при этом росли постоянно.

В соответствии с динамикой аграрного производства изменялись количественные параметры крестьянского хозяйства (см. табл.1). В 1917 г. оно в среднем имело (в территориальных рамках Сибирского края) 6,33 дес. посева, 3,72 голов лошадей, 5,00 голов крупного и 5,88 голов малого рогатого скота, что, по нашим оценкам, превышало показатели конца XIX в. по посеву (более чем в 1,5 раза), поголовью КРС, овец и коз и уступало по количеству лошадей.

Динамика среднедушевых показателей обеспеченности посевом и скотом, изменение средних размеров хозяйства не только являются важными показателями основных тенденций развития крестьянской экономики, но также отражают общую направленность социальной мобильности крестьянства. В начале XX в. под влиянием развития рыночных отношений обычная для любого крестьянского сообщества имущественная дифференциация приобрела в регионе более ярко выраженный социальный характер. В низших слоях деревни проявлялись элементы пролетаризации, в высших – фермеризации. Однако, по нашему мнению, разложение крестьянства, понимаемое как увеличение удельного веса полярных групп сельского населения за счет его средних слоев (капиталистическое раскрестьянивание), в данный период еще не стало основным типом социальной мобильности сибирской деревни, а существовало как одна и притом не самая главная ее тенденция. Доказательством этого является то, что принадлежность хозяйства к тому или иному социальному слою де-

терминировалась демографическим фактором. Так, дворы, относимые одним из ведущих исследователей аграрной истории Сибири начала XX в. Л.М. Горюшкиным к бедняцким, в среднем состояли из 4,4 чел., к середняцким – из 6,3 чел., к кулацким – из 8,6 чел. [17]

Таблица 1
Развитие крестьянского хозяйства Сибирского края
в 1916—1929 гг.*

Год	Число хозяйств (тыс.)	На одно хозяйство приходится							
		человек	посева (га)	лошадей	в т.ч. рабочих	КРС	в т.ч. коров	овец и коз	свиней
1916	1014,2	6,00	6,40	4,16	3,09	5,76	2,86	6,42	2,23
1917	1035,0	5,99	6,92	3,72	2,80	5,00	2,52	5,88	2,02
1920	1185,2	5,62	6,18	3,33	2,46	3,73	2,08	4,38	1,60
1921	1179,4	5,72	5,04	3,30	2,35	3,48	1,71	3,88	1,31
1922	1169,6	5,69	3,81	2,92	2,18	3,12	1,58	4,01	0,82
1923	1193,9	5,72	4,51	2,51	1,94	3,10	1,62	5,10	0,74
1924	1258,4	5,68	4,50	2,68	2,03	3,76	1,83	6,44	1,23
1925	1304,1	5,51	4,52	2,62	1,94	4,00	1,86	6,50	1,47
1926	1348,9	5,47	5,20	2,67	1,89	4,34	1,99	7,34	1,57
1927	1392,6	5,49	5,58	2,76	1,89	4,56	2,05	8,49	1,50
1928	1465,6	5,47	5,54	2,83	1,94	4,63	2,13	8,64	1,49
1929	1537,3	5,34	5,64	2,63	1,81	4,04	1,85	8,20	1,13

*Для 1916 г. рассчитано: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С.214; Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Вып.1. Сельское хозяйство. Новосибирск, 1927. С.37—43. Для 1917—1929 гг.: Сборник статистико-экономических сведений... С.36, 48; Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С.272, 273, 294.

О прямой взаимосвязи имущественной состоятельности хозяйства с размерами и составом семьи отчетливо свидетельствуют материалы сельскохозяйственной переписи 1916 г. по

Томской губернии, обработанные Л.М. Горюшкиным и его учениками (см. табл.2). В соответствии с ними, дворы без рабочего скота насчитывали 3,4 чел., включая 1,4 чел. трудоспособных, без коров – 3,6 и 1,7 чел., без посева – 3,9 и 1,8 чел. трудоспособных, без коров – 3,7 и 1,7 чел., без посева – 3,9 и 1,8 чел. В то же время хозяйства, имеющие более десяти голов рабочих лошадей, более десяти коров и засевающие от 25 до 50 дес., состояли соответственно из 10,4, 9,2 и 12,9 чел., в том числе из 4,6, 4,1 и 5,4 трудоспособных*. Таким образом, рост размеров семьи по-прежнему приводил к увеличению ее состоятельности, а по мере этого к переходу в более высокую социальную группу.

Цикличность развития отдельных семейных дворохозяйств определяла базовую модель социальной мобильности сибирской деревни. Однако под влиянием ряда факторов рост состоятельности совокупности крестьянских хозяйств то ускорялся, то замедлялся. В конце XIX в. расширение рыночных отношений придало социальной мобильности крестьянства в регионе преимущественно восходящую направленность. Неурожаи начала XX в. вызвали общий сдвиг вниз, сменившийся затем подъемом вверх. Массовое переселение привело к нивелировке сибирской деревни на более низком уровне. Переселенцы, заводя в момент вселения относительно небольшие хозяйства, существенно увеличили удельный вес бедноты. В то же время в среде старожилов преобладала восходящая динамика, прерываемая неурожаями. С 1912—1913 гг. и вплоть до 1917 г. доминирующим направлением социальной мобильности сибирского крестьянства становится движение от низших имущественных групп к высшим. Именно на эти годы пришлось время хозяйственной адаптации значительного числа столыпинских аграрных переселенцев.

---

* Прим. автора: Исключением из правила являлись хозяйства, засевающие более 50 дес. Их людность была ниже, чем в нескольких предыдущих посевных группах. Однако в данном случае речь идет о крупных предпринимательских хозяйствах, которые фактически вышли за пределы крестьянства как класса, но не порвали с ним формальные связи (принадлежность к сословию, общине).

Таблица 2

Средняя людность крестьянских хозяйств Томской губернии в
1916 г. по имущественным группам, чел. *

Группы дворов	На одно хозяйство приходится	
	всего населения	в т.ч. трудоспособного
Без посева	3,94	1,81
С посевом (дес.):		
0,1 – 1	4,48	1,99
1,1 – 2	4,75	2,01
2,1 – 3	5,13	2,17
3,1 – 4	5,47	2,29
4,1 – 5	5,78	2,55
5,1 – 9	6,51	2,85
9,1 – 10	7,48	3,36
10,1 – 12	7,82	3,57
12,1 – 15	8,58	3,73
15,1 – 25	9,83	4,40
25,1 – 50	12,91	5,39
свыше 50	8,29	2,57
Без рабочих лошадей	3,42	1,42
С 1 рабочей лошадей	4,21	1,76
С 2 - " -	4,83	2,09
С 3-4 - " -	5,91	2,59
С 5 - " -	6,84	3,02
С 6-10 - " -	7,85	3,51
Свыше 10 рабочих лошадей	10,38	4,60
Без коров	3,61	1,67
С 1 коровой	4,87	2,11
С 2 - " -	5,52	2,40
С 3-4 - " -	6,43	2,74
С 5 - " -	7,06	3,10
С 6-10 - " -	7,61	3,45
Свыше 10 коров	9,19	4,09
По всем группам	5,81	2,54

*Рассчитано: Бауфал А.М., Горюшкин Л.М. и др. Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969. С.136—138, 223—225, 291—293.

Вспыхнувшая вслед за октябрьским 1917 г. переворотом в Петрограде гражданская война на различных отраслях сельского хозяйства региона сказалась по-разному. Наиболее негативные последствия она имела для молочного животноводства. Прогрессирующее сужение платежеспособных рынков сбыта подрывало стимулы к его ведению. Вследствие этого продолжился процесс сокращения поголовья продуктивного скота. В 1920 г. численность стада КРС в регионе* составила 85% от уровня 1917 г. [18] Производство и закупки масла снизились еще более резко. В 1917 г. из Сибири было вывезено 2,6 млн пудов животного масла (в 1913 г. – 3,7 млн), а в 1920 г. – только 513 тыс. пудов [19].

Постоянный спрос на хлебобродулки, напротив, способствовал сохранению зернового производства на достигнутом в предреволюционный период уровне. Площадь посева в 1920 г. по сравнению с 1917 г. даже увеличилась на 2,6%. Примерно на столько же выросло и поголовье лошадей [20].

Однако показатели в расчете на одно крестьянское хозяйство уменьшились не только по числу КРС, но и по лошадям и по посеву. В 1917 г. среднестатистическое хозяйство сибирских крестьян заседало 6,33 дес. и имело 3,72 голов лошадей и 5,00 голов КРС. В 1920 г. – соответственно 5,66 дес., 3,33 и 3,73 голов. Подобное несоответствие было связано со значительным ростом числа крестьянских хозяйств (15% за 1917—1920 гг.), который был достигнут преимущественно за счет более интенсивного, чем в предреволюционный период, их дробления. В начале XX в. количество разделов крестьянских дворов в Сибири сдерживалось рядом факторов. Многолюдность семьи способствовала успешному становлению хозяйств новоселов. Товарность молочного животноводства напрямую зависела от числа коров в хозяйстве, а большая семья позволяла содержать большее их количество. Во время первой мировой войны семьи, из которых были

---

* Прим. автора: здесь и далее в неоговоренных случаях количественные параметры по Сибири даются в территориальных рамках Сибирского края 1925—1930 гг.

призваны в армию мужчины среднего возраста, не делились. В 1917—1920 гг. ситуация изменилась. В деревню вернулись многие фронтовики. К этому времени в основном завершилась адаптация к местным условиям большинства переселенческих хозяйств, прибывших в Сибирь в ходе столыпинской аграрной реформы. Вследствие кризиса молочного животноводства отпала необходимость содержать значительное количество продуктивного скота. Увеличение числа разделов и военные потери привели к снижению средней людности крестьянских хозяйств с 6 чел. в 1916 г. до 5,62 чел. в 1920 г.

Гражданская война повлияла на социальную мобильность сибирского крестьянства. Об основных ее тенденциях можно судить по материалам переписи 1916 г. по Томской губернии и данным сельскохозяйственной переписи 1920 г. по Томской и выделившейся из нее Алтайской губерниям (см. табл. 3).

Таблица 3

Группировка крестьянских хозяйств по посеву и наличию скота в 1916, 1920 и 1927 гг., %*

Хозяйства	1916 г.	1920 г.	1927 г.
	Томская губерния	Алтайская и Томская губернии	Юго-Западная Сибирь
Без посева	13,0	13,2	6,3
С посевом, дес.			
до 4	41,5	40,2	46,2
от 4 до 10	32,9	35,1	37,2
свыше 10	12,5	11,2	10,3
Без рабочих лошадей	9,3	9,4	11,1
С рабочими лошадьми, голов			
1	14,0	19,8	30,4
2	17,0	28,6	35,7
3 и более	59,7	41,6	22,8
Без коров	9,2	9,6	6,6
С коровами, голов			
1	26,0	36,6	35,3
2	21,7	30,2	29,9
3 и более	43,1	23,4	28,2

*Рассчитано: Бауфал А.М., Горюшкин Л.М. и др. Материалы переписи 1916 г. ... С.136, 223, 291; Сборник статистико-экономических сведений... С.110, 146—148, 150—152; Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С.266, 270—271.

Их сравнение показывает рост удельного веса дворов с 1—2 и значительное снижение доли дворов с 3 и более головами скота (по лошадям – в 1,4, по коровам – в 1,8 раза). Группировка по посеву изменилась незначительно. Колебания в ту или другую сторону от 0,2 до 2,2% могут быть следствием погрешности выборки, которая для 1916 г. составляет 1,2% от общего числа крестьянских хозяйств Томской губернии, тогда как данные 1920 г. основаны на переписи более 25% дворов Алтайской и Томской губерний. Однако, если учесть факт снижения размера посева в расчете на одно хозяйство в 1920 г. по сравнению с уровнем 1917 г., а также отмеченный выше рост удельного веса дворов с малым количеством скота, то можно с полным основанием сделать вывод о том, что доминирующим направлением социальной мобильности крестьянства в 1917—1920 гг. был переход в менее состоятельные имущественные группы.

При этом, по нашему мнению, отсутствуют основания для определения данного процесса как осереднячивания деревни, которое предполагает увеличение доли среднего крестьянства при одновременном уменьшении полярных групп – кулачества и бедняцко-батрацких слоев. В сибирской деревне в годы гражданской войны действительно произошло сокращение числа зажиточных хозяйств, но в то же время доля бедноты не только не уменьшилась, но даже увеличилась, поскольку абсолютное большинство дворов с одной головой рабочего и продуктивного скота можно с полным основанием относить к бедняцким.

Не было в регионе и заметных изменений в количестве беспосевных, безлошадных и бескоровных дворов, снижение удельного веса которых в советской историографии считалось важным показателем начавшегося процесса осереднячивания. По 4 губерниям Сибири (см. табл.4) произошло незначительное снижение доли дворов, не имеющих рабочих лошадей (на 2,4 п.п.) и коров (на 1,1 п.п.). Удельный вес беспосевных хозяйств вырос на 0,1 п.п. Однако в условиях общего увеличения числа крестьянских хозяйств столь ничтожный рост в долевым выражении дал двадцатитысячный прирост в количественном выра-

жении. Число дворов без рабочего скота уменьшилось на 8 тыс., без коров – на 4 тыс.

Сокращение числа беспосевных хозяйств, которое в европейской части России произошло в ходе аграрных преобразований 1918—1920 гг., в Сибири проявилось в 1921 г. Согласно данным опроса 2,3% крестьянских дворов в регионе весной 1921 г., 65% хозяйств, в 1920 г. не засевавших пашню, в 1921 г. произвели посев (46% из них на площади до 1 дес. и 54% – свыше 1 дес.). Площадь посева увеличили также 40% хозяйств, засевавших в 1920 г. до 1 дес. земли. Но в целом опрос показал повышение доли малопосевных хозяйств – особенно засевавших от 1 до 3 дес. земли (в 1,7 раза). Число хозяйств с посевом более 9 дес. сократилось в 2,2 раза. Только 13% опрошенных хозяйств перешло в более высокие посевные группы, тогда как почти 45% из них переместилось в низшие [21].

Таблица 4

Удельный вес крестьянских хозяйств, не имеющих посева, рабочего скота и коров в 1917 и 1920 гг., %*

Губернии	Хозяйства					
	без посева		без рабочих лошадей		без коров	
	1917 г.	1920 г.	1917 г.	1920 г.	1917 г.	1920 г.
Алтайская	11,8	13,4	12,2	11,3	9,3	10,2
Томская	14,9	13,3	11,9	8,8	11,2	9,0
Енисейская	13,9	14,5	6,2	8,8	10,2	8,7
Иркутская	15,9	13,6	18,2	14,2	17,8	14,9
Итого	13,5	13,6	12,3	9,9	10,8	9,7

*Рассчитано: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921. С.64, 65, 68, 77; Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года (по губерниям и районам). М., 1926. С.42, 46, 162, 166, 193, 194, 253, 254.

Сопоставимые данные об изменениях соотношения групп крестьянских дворов по наличию скота в 1920—1921 гг. имеются лишь для территории, позднее вошедшей в состав Барнаульского, Бийского и Рубцовского округов (табл.5). За год там значительно увеличился удельный вес малоскотных (1—2 головы) хозяйств (по рабочим лошадям – с 39,7 до 50,5%, по коровам – с

59,8 до 72,6%), а доля дворов, имеющих более 2 голов скота, снизилась (по рабочим лошадям – с 53,8 до 42,1%, по коровам – с 33,4 до 20,2%). При этом несколько выросла доля бескоровных и безлошадных дворов.

Данные гнездовых переписей 1920—1921 гг. на юге Алтая в целом подтверждают выявленные при анализе материалов весеннего опроса 1921 г. тенденции эволюции группировки крестьянских дворов по посеву. Число малопосевных хозяйств выросло, а средне- и крупнопосевных – снизилось. Исключением является лишь беспосевная группа, удельный вес которой остался неизменным.

Таблица 5

Группировка крестьянских хозяйств юга Алтая по посеву и наличию скота в 1920—1922 гг. (по данным гнездовых динамических переписей), %*

Хозяйства	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Без посева	9,6	9,6	11,2
С посевом, дес.			
до 2	16,5	26,7	49,3
от 2 до 4	21,0	28,6	25,0
от 4 до 6	17,6	18,2	9,1
от 6 до 10	19,1	12,3	4,5
свыше 10	16,2	4,6	0,9
Без рабочих лошадей	6,5	7,4	8,6
С рабочими лошадьми, голов			
1	17,9	24,4	30,4
2	21,8	26,1	27,9
3	19,7	17,6	16,2
4 и более	34,1	24,5	16,9
Без коров	6,8	7,2	9,0
С коровами, голов			
1	31,1	43,6	52,2
2	28,7	29,0	25,9
3	15,4	9,6	7,5
4 и более	18,0	10,6	5,4

* Составлено: Сборник статистико-экономических сведений... С.174—175, 180—181.

Процесс обеднячивания сибирской деревни, проявившийся в 1920—1921 гг., значительно усилился в 1922 г. Согласно материалам гнездовой динамической переписи этого года, 55,6% крестьянских хозяйств региона засевало до 2 дес. (около половины из них – меньше 1 дес.), 19% – от 2 до 4, 9,3% – от 4 до 10 и 1,7% – свыше 10 дес. Удельный вес дворов с одной рабочей лошастью составлял 28,6%, с двумя – 33,7, с тремя – 19,5, с четырьмя и более – 15,5%; с одной коровой – 43,1%, с двумя – 29,6, с тремя – 10,8, с четырьмя и более – 8,1%. 14,4% семей сибирских крестьян не имело полевого посева, 9,7 – рабочих лошадей и 8,4% – коров [22]. В 1922 г. на одно крестьянское хозяйство в регионе в среднем приходилось 3,4 дес. полевого посева, 2,2 головы рабочих лошадей и 1,6 коров, что было ниже показателей 1917 г. соответственно в 1,8, 1,3 и 1,6 раза.

Причины тотального обнищания сибирской деревни следует прежде всего искать в политике большевистского режима. С введением имеющей реквизиционный характер разверстки крестьяне потеряли всякий стимул к ведению товарного хозяйства и стали сокращать производство сельхозпродукции до потребительских норм, приводя в соответствие с ним и размеры, и структуру посева, и количество скота в своих хозяйствах. Не исправил ситуацию и первый продналог. Его ставки по хлебопродуктам (20% от валового сбора по региону в целом и 31% – по Алтайской губернии) значительно превосходили средние ставки по стране (10—11% от валового сбора). На Алтае размер налога достигал 96% от фактически выполненной разверстки, по Сибири—69% [23]. При этом следует иметь в виду, что по разверстке изымался не только хлеб урожая 1920 г., но и значительные его запасы, образовавшиеся у крестьян за годы гражданской войны, а по натуральному налогу – только то зерно, которое было собрано осенью 1921 г. Причем собирался налог не менее драконовскими методами, чем продразверстка. Положение усугублялось неурожаем зерновых и трав в 1920 и 1921 гг. Нехватка кормов вызвала сильную бескормицу и соответствующий падеж и забой скота.

В результате сокращения крестьянами размеров своих хозяйств и неурожаев произошло резкое падение уровня сельскохозяйственного производства, которое приобрело характер полномасштабного кризиса. Посевные площади в регионе в 1921 г. снизились почти на 1/5, в 1922 г. – еще на четверть и составили 60% от уровня 1920 г. При этом больше всего пострадали посевы основных товарных культур – пшеницы и овса, сократившиеся на

49 и 62%. Посевные площади, занятые имеющей преимущественно потребительский характер рожью, уменьшились всего на 6%, а просом – увеличились более чем в 10 раз. В 1922 г. на одно крестьянское хозяйство в среднем приходилось 1,44 дес. пшеницы и 0,67 дес. овса (в 1920 г. – 2,81 и 1,73 дес.). В этом году в регионе было собрано 153 млн пудов зерновых, или в 1,6 раза меньше, чем в 1920 г. [24] Сокращение поголовья скота в сибирской деревне за 1920—1922 гг. составило по КРС 17%, по лошадям – 13, по овцам и козам – 10, по свиньям – 50%. Общее снижение поголовья КРС по сравнению с максимальным дореволюционным показателем 1916 г. составило 37,5%, по дойному стаду – 36,3%, то есть более чем на треть. На 1922 г. пришелся пик кризиса, переживаемого сибирским маслоделием. За сезон маслозаводами региона было произведено всего 500 тыс. пудов товарной продукции. Вывоз из Сибири составил 395 тыс. пудов, или 9,1% от вывоза 1913 г. [25]

Хозяйственная ситуация в сибирской деревне несколько улучшилась лишь в 1923 г. в связи с уменьшением и упорядочением налогообложения и расширением семенной и иной помощи крестьянству. Площадь посева в регионе выросла на 22%, количество продуктивных коров – на 5,2 (при увеличении общего поголовья КРС на 1,3%), овец – на 31%. В то же время в 1923 г. произошел более чем двенадцатипроцентный сброс конского поголовья [26].

В дальнейшем, по мере развертывания нэпа в сибирской деревне, тенденция поступательного развития аграрной экономики сохранилась. За 1924—1928 гг. посевные площади в регионе выросли на 56%, число овец – на 102, КРС – на 84, коров – на 61, лошадей – на 39% [27]. Максимальные показатели предшествующего периода (для поголовья скота – 1916 г., для площади посева – 1920 г.) были превзойдены по количеству овец в 1924 г., КРС – в 1926 г., посевной площади – в 1927 г., числу коров – в 1928 г. В то же время так и не удалось восстановить дореволюционный уровень конского поголовья.

В годы нэпа сельское хозяйство Сибири сохранило приобретенную в период первой мировой войны преимущественно зерновую специализацию. Валовое и товарное производство хлебопродуктов уже в середине 1920-х гг. превосходило довоенный уровень. Естественно, что ориентировались крестьяне прежде всего на выращивание наиболее товарных культур – пшеницы и овса, удельный вес которых в общей площади посева

вновь вырос. В 1927 г. пшеница в структуре крестьянского посева занимала 53,3%, овес – 25,1, рожь – 11,6, крупяные – 1,5% (в 1922 г. – соответственно 42,1, 19,5, 17,1 и 12,5%) [28].

Более медленными темпами восстанавливалось промышленное маслоделие. В 1926/27 г. валовое производство животного масла в Сибири достигло 3608 тыс. пудов, товарное производство – 2514 тыс., вывоз за пределы региона – 2160 тыс., экспорт – 1466 тыс. пудов, что от уровня 1913 г. соответственно составляло 84, 62, 55 и 40% [29]. Следствием отставания маслоделия от темпов развития зернового хозяйства стало изменение соотношения товарной продукции растениеводства и животноводства в общем объеме товарного производства сельхозпродукции. В 1913/14 г. на долю животноводства в стоимостном выражении приходилось 71,9%, а в 1926/27 г. – 49,3% [30]. При этом скотоводство постепенно переходит с молочного на мясо-молочное направление. Показателем этого становится снижение доли коров в стаде КРС (с 50% в 1916 г. до 45% в 1927 г.), а также увеличение удельного веса овец и коз в общем поголовье скота. В 1913 г. на одну голову КРС приходилась 1,1 овца, а в 1927 г. – 1,7 [31].

Вместе с аграрной экономикой восстанавливалось и крестьянское хозяйство, которое в годы нэпа оставалось ее основной организационно-производственной ячейкой. В 1927 г. 670 колхозов объединяли лишь 0,7% сельских семей Сибирского края [32]. В 1927 г. на одно крестьянское хозяйство региона в среднем приходилось 5,1 дес. посева, 2,8 голов лошадей, в т.ч. 1,9 рабочих, 4,6 голов КРС, в т.ч. 2,1 коров, 8,5 овец и коз и 1,5 свиней. Эти показатели уступали предреволюционному уровню не только по поголовью лошадей, но и по всем остальным параметрам. Причины отставания темпов восстановления экономики среднестатистического хозяйства от темпов развития сельского хозяйства в целом заключались в увеличении их количества. С 1922 по 1927 г. число крестьянских дворов в регионе выросло в 1,2 раза. Подобный рост в основном вызывался дроблением хозяйств. В 1920-е гг. на 100 крестьянских дворов приходилось следующее количество разделов [33]:

1921 г. – 3,1	1926 г. – 3,0
1922 г. – 2,4	1927 г. – 3,5
1923 г. – 3,4	1928 г. – 4,7
1924 г. – 3,7	1929 г. – 4,7
1925 г. – 3,5	

Уменьшение числа разделов в 1922 г. было связано с сельскохозяйственным кризисом. Тяжелые времена легче было пережить вместе. Да и делить в этом году из-за резкого снижения размеров хозяйства было особенно нечего. Увеличение количества разделов в 1923—1925 гг. отчасти имело компенсаторный характер, а также стимулировалось высоким уровнем налогообложения зажиточных хозяйств, которые, как правило, были многолюдными. В 1925 г. налогообложение деревни и его прогрессия снижаются. В 1924/25 г. на одно зажиточное хозяйство приходилось 92,8 руб. налога, а в 1925/26 г. – 45,6 руб., или в два раза меньше [34]. Кроме того, в 1925 г. законодательно облегчаются условия использования найма рабочей силы и аренды земли. Многолюдность способствует более высоким темпам экономического развития крестьянских хозяйств, и число их разделов в 1926 г. снижается. В 1926/27 г. сумма сельхозналога и его прогрессия вновь существенно возрастают (налоги на одно зажиточное хозяйство в среднем составляют 97 руб.) [35]. В том же году возобновляется политическое и психологическое давление на деревенских "кулаков". Число разделов снова увеличивается.

Политический фактор не только влиял на социально-органические процессы в деревне, но и во многом определял развитие аграрной экономики. Так, комплекс мер, включая вышеприведенные, составляющий содержание курса правящей коммунистической партии "Лицом к деревне", способствовал ускорению темпов развития сельскохозяйственного производства в 1926 г. В этом году удалось достичь максимального за период 1924—1929 гг. прироста посевных площадей (19%) и значительного увеличения поголовья скота (более высокие показатели дал лишь 1924 г.). В то же время на крестьянскую экономику воздействовал и природно-экологический фактор. Неурожай 1924 г. повлиял на снижение темпов роста посевных площадей и поголовья скота в 1925 г. Напротив, высокий урожай 1925 г. максимизировал благотворное воздействие на сельское хозяйство "нового курса" большевистского режима.

Совокупность факторов, среди которых главенствующую роль занимал все-таки политический, определяла общую направленность социальной мобильности сибирского крестьянства. Наглядное представление об ее основных тенденциях дает динамика соотношения групп крестьянских хозяйств по размеру посева (табл.6). В 1923 г. абсолютное большинство крестьянских хозяйств увеличивало посева. В результате существенно снизил-

ся удельный вес беспосевных дворов и хозяйств, засевающих до 2 дес., и увеличилась доля всех остальных групп. В 1924—1925 гг. эта тенденция сохранилась, хотя темпы уменьшения малопосевных групп и роста среднепосевных снизились. Отличительной чертой 1925 г. стало увеличение в 1,5 раза крупнопосевной группы (свыше 10 дес.) и некоторый рост числа беспосевных дворов. Последнее, вероятно, объясняется последствиями неурожая предыдущего года. В 1926 г. процесс перехода из низших посевных групп в более высшие ускорился. При этом наибольший прирост дали группы с посевом от 6 до 10 дес. и свыше 10 дес. (соответственно 43 и 117% от уровня предыдущего года). В 1927 г. темпы снижения доли малопосевных и увеличения средне- и крупнопосевных вновь упали.

Таблица 6

Группировка крестьянских хозяйств Сибирского края по посеву (по данным гнездовых динамических переписей 1922—1929 гг.), %*

Год	Без посева	С посевом, дес.				
		до 2	2,1—4	4,1—6	6,1—10	свыше 10
1922	14,4	55,6	19,0	6,0	3,3	1,7
1923	10,9	44,0	25,1	11,3	6,7	2,0
1924	8,5	38,8	29,4	13,1	8,2	2,0
1925	9,2	34,0	28,8	15,0	10,0	3,0
1926	9,0	26,6	26,5	17,1	14,3	6,5
1927	6,9	24,1	27,1	18,3	16,0	7,6
1928	6,6	22,8	26,0	19,3	17,8	7,5
1929	5,4	21,1	26,1	20,7	20,3	6,4

*Составлено по: Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. М., 1927. С.138. Сибирский край. С.266—267.

Соотношение между группами по обеспеченности рабочим и продуктивным скотом менялось менее рельефно (табл.7). Снижение удельного веса бескоровных и однокоровных дворов и увеличение доли хозяйств с двумя и более коровами началось в 1924 г. В 1927 г. этот процесс прервался. При продолжающемся падении числа бескоровных дворов стало расти количество не только двух-, но и однокоровных хозяйств, а удельный вес хозяйств с тремя, четырьмя и более головами снизился. Причина

подобной трансформации, вероятно, заключалась в последствиях крайне низкого прироста поголовья КРС в 1925 г. В основном аналогичным образом изменялось и соотношение групп по обеспеченности рабочим скотом. Принципиальная разница заключалась лишь в том, что удельный вес безлошадных дворов увеличивался вплоть до 1926 г. и уменьшился лишь в 1927 г.

Следует отметить, что и в период нэпа принадлежность крестьянского хозяйства к той или иной имущественной группе была по-прежнему взаимосвязана с размерами и составом семьи. Так, согласно материалам гнездовой динамической переписи 1927 г. по Сибирскому краю, дворы без средств производства состояли из 2,7 чел., включая 1,3 трудоспособных, со средствами производства стоимостью до 100 руб. – соответственно из 3,7 и 1,8 чел., от 101 до 200 руб. – из 4,2 и 2,1 чел., от 201 до 400 руб. – из 4,9 и 2,4 чел., от 401 до 800 руб. – из 5,8 и 2,8 чел., от 801 до 1600 руб. – из 6,7 и 3,3 чел., со стоимостью средств производства свыше 1600 руб. – из 8,1 и 3,9 чел. [36]

Таблица 7

Группировка крестьянских хозяйств Сибирского края по обеспеченности скотом (1922—1929 гг.), %*

Год	Без скота	Со скотом, голов			
		1	2	3	4 и более
С коровами					
1922	8,4	43,1	29,6	10,8	8,1
1923	10,4	43,4	26,8	10,4	9,0
1924	10,3	39,0	27,3	11,8	11,6
1925	9,6	34,4	29,2	14,1	12,7
1926	9,1	31,1	29,0	15,1	15,7
1927	6,6	36,0	31,5	13,6	12,3
1928	6,1	34,9	31,7	13,8	13,5
1929	6,4	39,0	32,4	11,8	10,4
С рабочим скотом					
1922	9,6	28,6	33,7	15,5	12,6
1923	11,8	31,0	32,3	14,4	10,5
1924	12,9	28,3	32,6	14,9	11,3
1925	13,2	26,3	32,4	15,8	12,2
1926	13,3	26,2	33,1	16,0	11,4
1927	10,2	28,6	38,1	14,3	8,8

1928	8,7	27,0	39,3	15,5	9,5
1929	8,0	28,1	43,7	13,9	6,3

*Составлено по: Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. С.149; Сибирский край. С.270—271.

Совокупный анализ динамики имущественных группировок крестьянских хозяйств позволяет сделать вывод о том, что доминирующим направлением социальной мобильности крестьянства в период 1923—1927 гг. был переход в более состоятельные группы. Данный процесс можно определить как осереднячивание деревни, если считать в соответствии с официальными источниками конца 20-х – начала 30-х гг., что в 1927 г. 9,8% крестьянских дворов в Сибирском крае относились к "пролетарским" (батрацким), 20,4 – к "полупролетарским" (бедняцким), 63,1 – к хозяйствам "простых товаропроизводителей" (средняцким) и 6,7% – к "мелкокапиталистическим" (кулацким) [37]. В этом случае середняк в конце 20-х гг. действительно являлся центральной фигурой сибирской деревни. Однако вышеприведенное соотношение социальных групп требует к себе критического подхода. Полученное в итоге обработки гнездовой динамической переписи 1927 г. по отдельным регионам и в целом по стране по методике, первоначально предложенной В.С. Немчиновым, оно полностью отвечало позиции правящей верхушки в ее споре с оппонентами как справа, так и слева. Следует учитывать, что теоретики организационно-производственной школы или теоретики "новой" оппозиции придерживались иных позиций, и их неправота не является доказанной.

Кроме того, данное соотношение этих групп стало результатом социальной мобильности крестьянства в 1923—1927 гг. Нет сомнений в том, что середняков в деревне в 1927 г. стало значительно больше, чем в 1922 г. Однако для того, чтобы ответить на вопрос, произошло ли осереднячивание крестьянства относительно дореволюционного уровня, нужно обработать имеющиеся в наличии статистические данные по аналогичной методике. При этом применить методику обработки переписи 1927 г. (выделение социальных групп на основе стоимости средств производства в расчете на один двор) к материалам переписи 1916 г. невозможно, так как в них сведения о стоимости средств производства в обследуемых хозяйствах отсутствуют.

Выявить итоги социальных сдвигов, произошедших в сибирской деревне за 10 лет, можно лишь на основе анализа изменений группировок по обеспеченности посевами и скотом.

Сравнение материалов переписи 1916 г. по Томской губернии и переписи 1927 г. по Юго-Западной Сибири (табл.3) показывают, что удельный вес беспосевных и малопосевных (с посевами до 4 дес.) дворов в нэповской деревне, в отличие от дореволюционной, хотя и несколько снизился (на 2 п.п.), но по-прежнему значительно превосходил удельный вес среднепосевных хозяйств. В то же время доля дворов без коров и с одной коровой выросла на 6,7 п.п. Если же взять такой важнейший критерий состоятельности крестьянства, как обеспеченность рабочим скотом, то удельный вес дворов с одной рабочей лошадкой и не имеющих таковых увеличился на 18,2 п.п. (число таких хозяйств выросло, по нашим подсчетам, более чем в 2 раза). При отнесении безлошадных и однолошадных дворов к бедняцким (23,3% в 1916 г. и 41,5% в 1927 г.) можно сделать вывод не об осереднячивании, а об обеднячивании крестьянства*.

В связи с вышеизложенным нам представляется более корректным говорить не об осереднячивании сибирской деревни в годы нэпа по сравнению с дореволюционным периодом, а об ее нивелировке на более низком среднем уровне.

Нивелировка крестьянства имела негативные последствия для развития производительных сил сельского хозяйства региона. Особенно это касалось маслоделия, которое в годы нэпа так и не было восстановлено (см. выше). Причины этого заключались в низкой товарности молочного хозяйства 20-х гг., явившейся прямым следствием повышения удельного веса малокоровных хозяйств. Если считать одну корову в хозяйстве необходимой для удовлетворения потребительских нужд семьи, а товарное производство молока связывать со второй и далее коровами, то

---

* Прим. автора: В.И. Ленин, сравнивая материалы военно-конских переписей за 1888—1891 и 1896—1900 гг. по губерниям Европейской России, считал, что увеличение доли безлошадных и однолошадных дворов, относимых им к бедняцким, на 3,7% при росте их числа в 18% является показателем роста нищеты и экспроприации крестьянства, который не подлежит сомнению (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.3. С.138—139). По Енисейской губернии хозяйства с двумя лошадьми В.И. Ленин включал в состав низших групп деревни (Там же. С.116).

доля товарного продуктивного скота в общем поголовье коров в Томской губернии в 1916 г. составит 70%, а в 1927 г. в Юго-Западной Сибири – 57%.

Отрицательные последствия радикального изменения аграрной политики большевистского режима в конце 20-х гг. в Сибири проявились не сразу. В 1928 г. в регионе продолжилось увеличение посевных площадей и количества скота. Темпы прироста поголовья лошадей и коров в этом году оказались выше, чем в 1927 г. Вследствие этого произошли позитивные изменения в группировке крестьянских хозяйств по обеспеченности скотом: удельный вес дворов без коров и лошадей и с одной головой снизился, а всех остальных групп – возрос. В группировке по посеву наблюдалось продолжение снижения доли малопосевных и увеличение доли среднепосевных хозяйств. Однако впервые за 5 лет число крупнопосевных хозяйств не только не повысилось, но даже несколько уменьшилось.

Таким образом, в 1928 г. в Сибири наблюдалась в целом положительная динамика социальной мобильности. Однако она приобрела некоторые особенности, проявившиеся, прежде всего, в поведении зажиточных слоев. Общее направление социальной мобильности в 1923—1927 гг., заключающееся в доминировании переходов из менее состоятельных групп в более состоятельные, не означало, что часть хозяйств не двигалась в обратном направлении. Но до 1928 г. число хозяйств, оставшихся в прежней посевной группе (эволюция дворов по обеспеченности скотом статистикой 20-х гг. не фиксировалась) или повысивших свой имущественный статус, всегда превышало количество перешедших в низшую. Исключение не составляла и крупнопосевная группа. В 1928 г. большая часть хозяйств, засевавших более 10 дес. в 1927 г., свои посевы уменьшила и перешла в среднепосевную группу.

Более наглядное представление о сдвигах в высших слоях крестьянства в южносибирской деревне дают результаты гнездовой переписи 1928 г., обработанные по т.н. социальным признакам. Из всех хозяйств, отнесенных в 1927 г. к кулацким ("сельскохозяйственные предприниматели"), 17,7% к 1928 г. разделилось (у середняков – 10,7, у бедняков – 4,5, у батраков – 3,4%) и соответственно перешло в низшие социальные группы. Еще 10,9% – претерпели другие социально-органические изменения (ликвидировались, выселились, вступили в колхозы). Средняцкими стали 29,9%, бедняцкими – 0,1%. В итоге в прежней соци-

альной группе осталось только 41,1% хозяйств [38]. Однако в целом число дворов, относимых в 1928 г. к кулацким, не только не уменьшилось, но даже увеличилось за счет середняков, перешедших в этот разряд. О направленности социальных сдвигов в южносибирской деревне в 1927—1928 гг. можно судить по следующим данным [39]:

Социальная группа	Удельный вес хозяйств, %	
	1927 г.	1928 г.
сельскохозяйственные рабочие	7,6	5,7
промышленные рабочие	3,3	2,8
бедняки	28,1	26,4
середняки	54,1	57,3
"сельскохозяйственные предприниматели" (кулаки)	6,2	7,3
торговцы	0,4	0,1
владельцы промышленных заведений	0,3	0,4

1929 г. дает уже совсем иные результаты. И хотя властям удается добиться повышения посевных площадей, поголовье скота начинает уменьшаться. Особенно сильно пострадало стадо КРС. Общее его снижение составило 8%. Коров в сибирской деревне становится меньше на 7% [40]. Снижается средняя обеспеченность крестьянских хозяйств скотом: по лошадям – на 7%, по КРС – на 13, по овцам и козам – на 5, по свиньям – на 24%. Соответствующие изменения происходят в группировке по обеспеченности рабочим и продуктивным скотом. Повышается доля хозяйств с одной и двумя головами и снижается – с тремя и более (в т.ч. с четырьмя и более рабочими лошадьми – на треть, с четырьмя и более коровами – более чем на 1/5). Впервые с 1923 г. увеличивается число бескоровных дворов. В группировке по обеспеченности посевом фиксируется продолжающееся снижение доли беспосевных и малопосевных хозяйств и рост среднепосевных. Удельный вес же многопосевных снижается на 15 п.п.

Гнездовая перепись 1929 г. зафиксировала следующие изменения в соотношении социальных групп сибирской деревни относительно данных 1927 г. [41]:

Социальная группа	Удельный вес хозяйств, %	
	1927 г.	1929 г.

"пролетариат"	9,8	8,8
"полупролетариат"	20,3	20,3
"мелкотоварные производители"	63,1	69,1
"мелкокапиталистические производители"	6,7	1,8

Вышеприведенные сведения показывают усиление нивелировки деревни к 1929 г. Происходит повышение доли средних хозяйств при фактическом сохранении удельного веса маломощных и резком снижении зажиточных. В наиболее состоятельной группе крестьянства значительно усиливаются процессы социально-органических изменений. В целом по Сибири из 2597 хозяйств, отнесенных в 1927 г. к кулацким, к 1929 г. 18,8% разделилось (в ряде районов Южной Сибири доля разделов составляла 27—30%), 3,7 – выселилось и ликвидировалось, 2,6% переселилось и расселилось. На них пришлось 31,4% от всех выселившихся из деревни дворов, 32,9 – переселившихся и 35,7% – ликвидировавшихся. Значительно сокращается состоятельность хозяйств, оставшихся в кулацкой группе: размер посева в расчете на одно хозяйство с 1927 по 1929 г. уменьшился на 12,2%, количество рабочего скота – на 24,2, коров – на 27,9% [42]. При этом следует иметь в виду, что гнездовая перепись зафиксировала состояние деревни на весну 1929 г. В дальнейшем в течение года процессы снижения мощности зажиточных хозяйств, их самоликвидации и сокращения удельного веса еще более усилились.

В конце 20-х гг. более существенную роль, чем прежде, приобретает такая форма самоликвидации крестьянских хозяйств, как их вступление в колхозы, которое условно можно определить термином "социалистическое раскрестьянивание". Осенью 1927 г. в коммунах и сельхозартелях (в товариществах по совместной обработке земли – ТОЗах – степень обобществления средств производства вступивших в них хозяйств была невелика) состояло 0,5% сельских семей Сибирского края. После принятия XV съездом ВКП(б) курса на коллективизацию сельского хозяйства темпы колхозного движения стали постоянно возрастать. На 1 октября 1928 г. указанные формы коллективных хозяйств объединяли 1,2% хозяйств региона, на 1 июня 1929 г. – 2,7. В коммуны и колхозы в первую очередь вступали наименее состоятельные слои деревни. В коммунах Юго-Западной Сибири батрацко-бедняцкая группа (без собственных средств производ-

ства и со средствами производства до 200 руб.) составляла 63,2%, в артелях – 65,6% [43].

К 1 октября 1929 г. уровень коллективизации сибирской деревни составлял 6,7% (без ТОЗов – 4,5%). Это было меньше, чем в среднем по СССР (7,6%), и значительно меньше, чем на Северном Кавказе (19,0%) и Нижней Волге (18,3%) [44], но превышало планы сибирских властей. Однако результаты колхозного движения ни в целом по стране, ни в ее отдельных регионах, включая Сибирь, не удовлетворяли правящую верхушку большевистского режима, принявшую решение резко взвинтить темпы коллективизации.

После перехода к сплошной коллективизации ситуация в сибирской деревне изменилась качественным образом. В ходе первого ее этапа – с конца декабря 1929 г. по начало марта 1930 г. – было фактически ликвидировано более половины крестьянских хозяйств региона, 52 тыс. из них подверглось "раскулачиванию", в том числе 10,5 тыс. чел. было репрессировано и около 83 тыс. чел., или 16 тыс. семей, сослано в необжитые районы края [45]. Тысячи семей и одиночек бежало из деревни. Большая же часть ликвидированных хозяйств (781,8 тыс.) под угрозой насилия или поддавшись пропаганде вошла в различные типы колхозов (преимущественно коммуны). Имущество новоиспеченных колхозников либо почти полностью сдавалось в коммуны и артели, либо ими самими уничтожалось.

Результатом "большевистского натиска" стало резкое падение производительных сил сельского хозяйства, особенно осязаемое в животноводстве. поголовье лошадей в регионе в 1930 г. по сравнению с 1929 г. сократилось на 24%, КРС – на 39, коров – на 25, овец и коз – на 42, свиней – на 68% [46]. Убыль скота превосходила показатели самого худшего из предыдущих лет – 1922 г. – в 4 раза (в относительных величинах). С тем чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики и предотвратить всеобщее крестьянское восстание, режим скорректировал свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были официально дезавуированы. И крестьяне стали выходить в массовом порядке из колхозов. Процент коллективизации в Сибири снизился с 52,9% на 10 марта до 19,8% на 1 июня (в 2,6 раза) [47]. Но восстановить прежние размеры своих хозяйств бывшим колхозникам уже не удалось.

Сопоставимые данные об изменении основных количественных параметров среднестатистического крестьянского хозяйства в 1930 г. имеются только для территории, вошедшей летом этого года в Восточно-Сибирский край (см. табл.8). По сравнению с 1929 г. посевная площадь в крае в расчете на одно единоличное хозяйство сократилась с 4,73 до 3,40 га, количество лошадей – с 2,74 до 2,27, КРС – с 4,61 до 3,13, коров – с 1,93 до 1,53, овец и коз – с 7,47 до 5,01, свиней – с 2,22 до 0,94. На территории Западно-Сибирского края в 1929 г. крестьянское хозяйство в среднем заседало 5,90 га, в 1930 г. – 3,55 [48].

Наибольшие потери понесли крестьяне округов, пострадавших в 1929 г. от неурожая, имевших в марте 1930 г. самый высокий процент коллективизации и наибольший удельный вес коммун в общем числе колхозов. Так, в одном из них – Барнаульском, который в предыдущем году перенес засуху и имел четвертое место в крае как по уровню коллективизации (61,8%), так и по доле коммун (61,4%), среднедушевые показатели площади посева в индивидуальном секторе снизились в 1,7 раз (в целом по Сибирскому краю в – в 1,4, по Юго-Западной Сибири – в 1,5 раза). На одно единоличное хозяйство в 1930 г. в округе приходилась 1 голова рабочего и 1 голова продуктивного скота [49].

Таблица 8

Крестьянское хозяйство Восточно-Сибирского края в 1929—
1931 гг. (на 1 июля)*

Показатели	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Всего хозяйств	331,4	359,3	348,0
в т.ч. единоличных	314,3	300,3	198,9
На одно единоличное хозяйство приходится:			
человек	5,46	5,13	4,84
посева (га)	4,73	3,40	2,12
лошадей	2,74	2,27	1,65
КРС	4,61	3,13	1,96
коров	1,93	1,53	1,03
овец и коз	7,47	5,01	2,41
свиней	2,22	0,94	0,85

*Рассчитано: Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С.32, 137, 183.

Сведений об имущественной дифференциации крестьян-единоличников в 1930 г. нам обнаружить не удалось. Есть лишь данные налоговой статистики по Сибирскому краю о средних размерах 7,8 тыс. хозяйств (0,7% от общего числа), отнесенных к кулацким, и средних размерах всех остальных крестьянских хозяйств, каковых насчитывалось 1127,1 тыс. "Кулацкие" хозяйства имели одинаковое со всеми прочими количество рабочих лошадей и коров (соответственно 1,3 и 1,4 головы), уступали им по посеву (2,73 и 3,0 га) и превосходили по сумме неземледельческих заработков (65,6 и 28,2 руб.). В 1927/28 г. сумма учтенных неземледельческих заработков в расчете на один "маломощный" двор составляла 24,5 руб., средняцкий – 39,0, "мощный" – 131 руб. [50]

По нашему мнению, имущественная дифференциация сибирской деревни в 1930 г. сводилась к минимуму. Всеобщим направлением социальной мобильности крестьянства в 1929—1930 гг. стал переход в менее состоятельные группы. Эта тенденция касалась всех социальных слоев. Т.н. кулаки были в значительной степени экспропрированы, часть из них полностью ликвидировала свои хозяйства и бежала из деревни. Оставшиеся в деревне бывшие кулаки, опасаясь высылки, сократили свои хозяйства до потребительского минимума. То же и по той же причине сделали крестьяне, ранее относимые к зажиточным середнякам. Свои хозяйства сократили и остальные социальные группы деревни, не вошедшие в колхозы. Доказательством этого является массовая "эпидемия" забоя скота, охватившая значительную часть середняков и "даже бедноту" [51]. Результатом первого этапа сплошной коллективизации стало обеднячивание единоличного крестьянства, его нивелировка на значительно более низком уровне, чем средний в предыдущий период.

В период с весны 1929 по середину 1930 г. существенно сократилась людность дворов крестьян-единоличников. В 1929 г. в территориальных рамках Западно-Сибирского края она составляла – 5,36 чел., в 1930 г. – 4,93 чел.; в территориальных рамках Восточно-Сибирского края – соответственно 5,46 и 5,13 чел. Уменьшился средний состав и семей колхозников: в Восточно-Сибирском крае – с 4,58 до 4,30 чел. [52]. Причинами снижения людности стали значительно увеличившаяся интенсивность разделов и уход из деревни (в значительной степени насильственный) наиболее многосемейных зажиточных семей.

Нивелировка деревни, экспроприация наиболее существенной ее части привели к кризисным явлениям в сельскохозяйственном производстве. В наиболее бедственном положении оказалось маслоделие. Заготовки масла снизились с 32,7 тыс. до 16,1 тыс. т. Это на 25% было меньше уровня 1923/24 г. Посевные площади в Западно-Сибирском крае сократились на 17%. Ситуацию спасло лишь более чем двукратное повышение урожайности. Однако и в этих условиях валовой сбор зерновых увеличился всего лишь на 3,6% и составил 70% от менее урожайного 1928 г. [53]

Отступление режима весной 1930 г. носило тактический характер. Уже в начале следующего года начался новый штурм единоличной деревни. Налоговый нажим, ограничение землепользования, политическое и административное давление, постоянная угроза экспроприации вынуждали крестьян-единоличников либо вступать в колхозы, либо бежать из деревни. В 1931 г. была проведена еще более широкомасштабная, чем в предыдущем году, операция по высылке жителей деревни, относимых к "кулакам". В мае в Западно-Сибирском крае было экспроприровано и выслано на спецпоселение около 40 тыс. крестьянских семей [54].

Усиление нажима на деревню привело к нарастанию темпов коллективизации. На начало года в колхозах состояло около 1/5 крестьянских хозяйств региона, в мае – более трети, летом – уже более половины. К концу 1931 г. в сибирской деревне насчитывалось 992,0 тыс. колхозных и 675,7 тыс. единоличных дворов [55] (40,5% от общего количества и 41,5% от населения в них). На долю единоличников в Западно-Сибирском крае приходилось 8,3% посевных площадей, 36,3 лошадей, 34,5 КРС, 30,4 овец и коз, 35,3% свиней. Удельный вес единоличного сектора экономики в маслозаготовках 1931 г. составил 41%, в хлебозаготовках 1931/32 г. – 22,6% [56]. Таким образом, аграрная экономика Сибири в течение 1931 г. перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство – ее основной организационно-производственной ячейкой.

Снижение численности и удельного веса крестьян-единоличников сопровождалось сокращением размеров их хозяйств. В 1931 г. на одно единоличное хозяйство в Восточно-Сибирском крае приходилось 2,12 га посева, 1,65 лошадей, 1,96 голов КРС, 1,03 коров, 2,41 овец и коз, в Западно-Сибирском – соответственно 2,97 га, 1,56, 2,14, 1,59 и 4,42 голов (табл.8, 9).

Сравнение этих данных с показателями предыдущего года показывает, что процесс обеднячивания сибирского крестьянства продолжался. Продолжала снижаться и людность семей единоличников, составив в 1931 г. 4,63 чел. в Западно-Сибирском крае и 4,84 чел. в Восточно-Сибирском крае. Колхозная семья в этом году состояла соответственно из 4,46 и 4,61 чел. [57] Сокращение людности единоличного двора в 1931 г. и в дальнейшем, по нашему мнению, было связан не с разделами, лимит которых был фактически исчерпан в предыдущий период, а с убылью населения за счет превышения смертности над рождаемостью и миграции части членов семей в город.

Скоротечная замена крестьянской экономики колхозной имела долгосрочные негативные последствия. Она отрицательно повлияла и на состояние сельского хозяйства Сибири в 1931 г. В регионе продолжалась убыль скота. поголовье лошадей в Западно-Сибирском крае сократилось на 18%, КРС – на 13, коров – на 16, овец и коз – на 30%. Посевные площади в крае за счет колхозного сектора удалось увеличить на 16%. Однако валовой сбор зерновых снизился на 41% [58]. Ситуацию, безусловно, ухудшил неурожай. Но дело заключалось не только в нем. Посевная площадь в 1931 г. составляла 97% от уровня 1929 г. Урожайность при этом была не меньше, а даже несколько больше (по пшенице соответственно 4,35 и 4,02 ц/га). Несмотря на это, валовой сбор в 1931 г. снизился по сравнению с 1929 г. на 39%, с 1930 г. – на 41%. Однако по хлебозаготовкам в 1931/32 г. из деревни изъяли всего лишь на 17% меньше зерна, чем в 1930/31 г. [59]

Таблица 9
Единоличное крестьянское дворохозяйство Западной Сибири* в 1931—1940 гг.**

Год	На одно хозяйство приходится					
	посева (га)	скота (голов)				
		лошадей	КРС	коров	овец и коз	свиней
1931***	2,97	1,56	2,14	1,59	4,42	-
1932****	1,50	1,29	1,78	1,01	1,65	0,29
1933***	2,50	0,95	1,21	0,68	1,11	0,49
1934***	2,30	0,80	1,41	0,69	1,13	0,82
1935****	2,11	0,66	1,34	0,73	0,84	0,54
1936***	-	0,34	0,95	0,41	0,35	0,71

1937	0,54	-	-	-	-	-
1938****	0,36	0,24	0,77	0,39	0,61	0,53
1939	0,31	-	-	-	-	-
1940****	-	0,41	0,56	0,32	0,53	0,24

*Сведения за 1931—1934 гг. по Западно-Сибирскому краю; за 1935—1936 гг. – по Западно-Сибирскому краю без районов, отошедших в Омскую область и Красноярский край; за 1937—1940 гг. – по Новосибирской области.

**Рассчитано: ГАНО. Ф.Р-1. Оп.2. Д.529. Л.20, 22, 23; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г. М., 1936. С.256, 547, 549, 642, 1416; Итоги переписи скота на 1 января 1936 г. в Западно-Сибирском крае. Новосибирск, 1936. С.4—5, 9; Итоги переписи скота и состояние животноводства в Новосибирской области на 1 января 1940 г. Новосибирск, 1940. С.294; Новосибирская область: Справочник по хозяйству и культуре районов области. Новосибирск, 1940. С.39.

*** Данные по поголовью скота на 1 июля.

**** Данные по поголовью скота на 1 января.

Неурожай, сопровождающийся сверхнормативным изъятием из деревни сельскохозяйственной продукции, привел к голоду среди сельского населения и углублению сельскохозяйственного кризиса. Эти явления в полной мере коснулись и крестьян-единоличников. В Западно-Сибирском крае количество скота у них существенно снизилось уже к концу года. На один двор 1 января 1932 г. в среднем приходилось 1,29 голов лошадей, 1,78 голов КРС, 1,01 коров, 1,65 овец и коз. Весной 1932 г. западно-сибирские единоличники засеяли в расчете на одно хозяйство всего 1,5 га пашни. Таким образом, с 1931 г. можно говорить уже не об обеднячивании единоличного крестьянства, а об его пауперизации.

В 1932 г. коллективизация сибирской деревни приостановилась. К концу года в регионе насчитывалось 649,9 тыс. единоличных хозяйств, или 40,4% от общего числа сельских дворов (1.01.1932 г. – 40,5%). Весной 1933 г. началось снижение удельного веса единоличников. К началу 1934 г. он составлял 33,7% (546,3 тыс. дворов). До осени этого года доля единоличного крестьянства оставалась практически стабильной. Перманентное увеличение налогообложения единоличников, начатое осенью 1934 г., вызвало непрерывное сокращение числа единоличных

хозяйств. Их доля в регионе на 1 июля 1935, 1936 и 1937 гг. составляла соответственно 18,3, 9,0 и 6,9% [60].

По мере снижения количества единоличников сокращался удельный вес их хозяйств в аграрном производстве. В Западной Сибири в общей площади посева в 1934 г. он составлял 12,0%, в 1935 г. – 4,9, в 1936 г. – 0,8, в 1937 г. – 0,3% [61]. В течение 1935 г. доля единоличных дворов Западно-Сибирского края в общем поголовье отдельных видов скота изменилась следующим образом (%) [62]:

	1.01.1935 г.	1.01.1936 г.
лошади	17,2	4,5
КРС	13,6	3,2
коровы	15,9	3,4
овцы и козы	9,3	2,2
свиньи	15,9	3,7

В 1937 г. в Алтайском крае лошади единоличников составляли 0,6%, КРС – 0,7, овцы и козы – 0,6% общего поголовья [63].

Существенно изменилась производственная структура единоличных хозяйств. В их посевах значительно увеличилась доля потребительских культур. В 1934 г. в Западно-Сибирском крае пшеница занимала 26,8% полевого и усадебного посева, рожь – 24,1, овес – 11,5, крупяные – 21,4, картофель и овощи – 17,7%. В 1926 г. в юго-западной части Сибирского края эти культуры занимали соответственно 58,5, 8,2, 21,8, 2,7 и 2,3%. В 1937 г. на долю овощей и картофеля в Новосибирской области приходилось около трети посевной площади единоличного сектора [64].

В середине и конце 30-х гг. продолжалось сокращение количественных параметров среднестатистического единоличного двора. В 1933 г. в Западно-Сибирском крае на него приходилось 2,5 га посева (в Восточно-Сибирском крае – 1,2 га) [65], 0,95 лошадей, 1,21 голов КРС, 0,68 коров, 1,11 овец и коз; в 1938 г. в Новосибирской области – соответственно 0,36 га, 0,24, 0,77, 0,39 и 0,61 голов.

Радикальную трансформацию в 30-е гг. претерпела социальная структура слоя сельских единоличников, внутри которого можно выделить следующие основные группы.

1. Единоличники-крестьяне: сельские жители (семьи или одиночки), основным источником доходов которых являлось сельскохозяйственное производство в масштабах, которое можно

назвать крестьянским хозяйством (наличие полевого посева, рабочего и продуктивного скота).

2. Единоличники-"огородники": бывшие крестьяне, которые имели только приусадебный участок (огород), но, проживая в пригородной зоне, активно торговали выращенной на нем продукцией на рынке. Подобные хозяйства могли иметь скот, включая продуктивный, и также реализовывать животноводческую продукцию на городском рынке.

3. Единоличники – не крестьяне: сельские жители, основным источником доходов которых являлись неземледельческие заработки (кустарные промыслы, охота, рыбная ловля, извоз и т.п.), но которые имели подсобное хозяйство (приусадебный участок, скот). Финансовые органы относили таковые к единоличным крестьянским дворам в том случае, если размеры подсобного хозяйства у них превышали нормы, установленные Уставом сельскохозяйственной артели для личного хозяйства колхозников данного района. В число единоличников официально включались и те семьи, которые имели в своем составе рабочих, служащих и даже колхозников, если хотя бы один из трудоспособных его членов (не считая домашних хозяек) занимался исключительно сельским хозяйством, и его хозяйство превышало нормы Устава сельхозартели [66]. Подобные семьи мы также относим к данной группе.

4. Единоличники – пауперы: семьи или одиночки, имеющие только приусадебный участок и не реализующие его продукцию на рынке. В данную группу, главным образом, относились дворы престарелых сельских жителей, которые ранее вели крестьянское хозяйство, в условиях коллективизации его ликвидировали, но не могли покинуть деревню и по психологическим мотивам не желали вступать в колхоз. Абсолютное большинство подобных дворов не имело не только продуктивного, а тем более рабочего, но вообще никакого скота и влачило абсолютно нищенское существование.

Удельный вес каждой из выделенных нами групп постоянно изменялся. В начале 30-х гг. в составе сельских единоличников абсолютно преобладали крестьяне. Однако уже к середине 30-х гг. их доля начала снижаться. Динамику этого процесса в целом можно проследить по сокращению числа хозяйств с рабочим скотом. Условно к крестьянским можно отнести хозяйства, имеющие полевой посев. А его наличие требует применения рабочих лошадей. Если исходить из данного предположения, то в

Западно-Сибирском крае доля собственно крестьянских дворов в общем числе единоличных на 1 июля 1933, 1934, 1935 и 1 июня 1936 гг. составляла 79, 64, 55 и 26%. В начале 1938 г. в Новосибирской области рабочих лошадей имело 1,8 тыс. единоличных хозяйств из 47,3 тыс. (3,8%) [67]. Соответственно удельный вес хозяйств, относимых нами к крестьянским, в общем количестве колхозных и единоличных дворов в Западно-Сибирском крае на 1 июля 1933, 1934, 1935, 1 июня 1936 гг. и на 1 января 1938 г. в Новосибирской области составлял 24,7, 20,4, 10,4, 2,4 и 0,5%, тогда как доля единоличных хозяйств в целом имела на те же даты следующие значения: 31,3, 31,8, 18,9, 9,4 и 12,7%.

Доля единоличников-"огородников", наоборот, росла. Свидетельством этого является миграция части семей единоличников в районы, расположенные вблизи городов и рабочих поселков. В Кемеровском, Киселевском, Сталинском, Барабинском районах Новосибирской области число единоличных дворов в 1937 г. выросло более чем в 1,5 раза, в Тогучинском и Куйбышевском – в 1,8, в Болотнинском – в 2,5 раза, в Топкинском – более чем в 5 раз [68].

В составе сельских единоличников повысилась и доля единоличников – не крестьян. Значительная часть деревенских жителей, имевших постоянные неземледельческие доходы и до коллективизации (кустари, промысловики и т.п.), предпочитала не вступать в колхозы, в которых они почти полностью лишались своих заработков. На неземледельческие заработки переориентировалась и часть крестьян, сокративших размеры своих хозяйств, но также не желавших идти в колхоз. В 1939 г. в Новосибирской области неземледельческие доходы имели 39,5% учтенных единоличных дворов, в Алтайском крае – 38,9% [69].

Непрерывный рост числа рабочих и служащих в сельской местности приводил к увеличению числа единоличников, имеющих в составе своих семей представителей данных социальных категорий. В начале 1935 г. в Западно-Сибирском крае насчитывалось 25,6 тыс. дворов единоличников, имеющих в своем составе рабочих и служащих, или 10,1% от их общего числа. Согласно демографической переписи 1926 г., доля служащих, рабочих государственных промышленных, сельскохозяйственных и других предприятий и членов их семей в Сибирском крае составляла 5% [70].

Но наиболее многочисленной группой сельских единоличников стали единоличники-пауперы. Показателем пауперизации

значительной части единоличного крестьянства является увеличение удельного веса безлошадных и бескоровных дворов. В начале 1935 г. в Западно-Сибирском крае лошадей не имело 33% единоличников, коров – 27,1%, в начале 1936 г. – соответственно 66,0 и 65,5%. При этом доля хозяйств с двумя и более коровами и в том и в другом случае составляла 0,5%. На 1 января 1938 г. в Новосибирской области насчитывалось 73,2% единоличных дворов, не имевших коров, и 83,5% – не имевших лошадей [71]. Представление об удельном весе единоличников-пауперов может дать и число единоличных дворов, полностью освобожденных от налогообложения. В 1939 г. таковых среди единоличников было в Новосибирской области 48,0%, в Алтайском крае – 45,9% [72]. Они были настолько нищими, что даже советская власть, не замеченная в какой-либо сентиментальности, решила, что взять с них абсолютно нечего.

Несмотря на бедственное положение большинства единоличников, их небольшое количество и совершенно ничтожный вес в сельскохозяйственном производстве, давление на них со стороны большевистского режима в конце 30-х гг. еще больше усилилось. В 1938 г. Центр дал указание на места активизировать борьбу с недоимочностью единоличных дворов по государственным налогам и повинностям. В том же году Верховный Совет СССР ввел особый налог на лошадей, принадлежащих единоличникам. В 1939 г. значительно увеличились ставки сельхозналога. Летом того же года власти провели кампанию по экспроприации у единоличников "излишков" земли.

Указанные меры привели к сокращению количества единоличных дворов. В Западной Сибири на 1 января 1938 г. их насчитывалось 69,7 тыс., на 1 января 1939 г. – 32,4 тыс., на 1 июля 1940 г. – 20,2 тыс. Число единоличников уменьшалось, главным образом, за счет хозяйств, имевших рыночные и неземледельческие доходы. Вследствие этого уровень пауперизации сельских единоличников еще более вырос. В 1940 г., по сравнению с предыдущим годом, доля дворов с неземледельческими доходами в общем числе единоличных дворов уменьшилась в Новосибирской области с 39,5 до 31,1%, в Алтайском крае – с 38,9 до 20,5%, с рыночными доходами – соответственно с 24,6 до 17,6% и с 18,2 до 10,3%. В то же время увеличился удельный вес дворов, полностью освобожденных от налогообложения: в Новосибирской области – с 48,0 до 57,9%, в Алтайском крае – с 45,9 до 59,3%. К пауперам в значительной мере можно отнести и дво-

ры, освобожденные от налогообложения частично (в 1940 г. в Новосибирской области – 11,7%, в Алтайском крае – 8,2%) [73]. В начале 1940 г. в Новосибирской области насчитывалось 1621 единоличное хозяйство, имевшее рабочую лошадь (9,4% от числа единоличных дворов и 0,5% от общего числа сельских дворов) [74].

По переписи населения 1939 г., доля единоличников в сельском населении составила в Западной Сибири 1,7%, в Восточной Сибири – 1,1%. На 1 июля 1940 г. в Омской области было 1,3%, в Алтайском крае – 1,6%, в Новосибирской области – 3,7% единоличных дворов. На единоличный сектор экономики в целом по Западной Сибири приходилось 0,1% посевных площадей, 0,4% поголовья КРС, 0,5 – коров, 0,3 – лошадей, 0,3 – овец и коз, 0,5% свиней [75].

Однако летом 1940 г. испытания для оставшихся единоличников не закончились. Впереди их ждала голодная зима и весна 1941 г., а затем Великая Отечественная война, в горниле которой исчезли последние сибирские единоличники.

Таким образом, крестьянское семейное дворохозяйство в Сибири в период с конца 1890-х до начала 1940-х гг. прошло ряд специфических этапов. Мощный толчок его развитию на рубеже XIX и XX вв. дало строительство Транссибирской магистрали. В связи с этим появилась возможность организации крупномасштабного экспорта сельхозпродукции из края. Крестьянские хозяйства стали вовлекаться в рыночные отношения и наращивать валовое и товарное производство.

Столыпинское аграрное переселение еще более ускорило поступательное развитие крестьянской экономики региона, которая к началу 1910-х гг. заняла заметное место в международном разделении аграрного труда. В процессе роста объемов сельскохозяйственного производства росла состоятельность большинства крестьянских хозяйств Сибири. Для региона был характерен более высокий удельный вес зажиточных хозяйств, чем в целом по стране, что свидетельствовало о наличии в аграрном строе края элементов фермерства.

Трудовой потенциал сибирских крестьян был настолько велик, что увеличение производительных сил их хозяйств продолжилось и в условиях первой мировой войны. Снижение уровня крестьянской экономики началось лишь в 1917 г. и ускорилось в годы гражданской войны.

Аграрная политика восстановившего свою власть в Сибири большевистского режима вызвала сельскохозяйственный кризис начала 1920-х гг. Ограбленные продразверсткой и ненамного уступающим ей по размерам первым продналогом, сибирские крестьяне были вынуждены существенно сократить размеры своих хозяйств, что привело к падению уровня аграрного производства. Произошло массовое обеднячивание деревни.

Плодами нэпа сибирские крестьяне смогли воспользоваться лишь после снижения тяжести налогообложения. С 1923 г. началось достаточно быстрое восстановление сельского хозяйства региона. Однако применяемый властью экономический и политический прессинг по отношению к наиболее зажиточным жителям деревни препятствовал расширению размеров хозяйств, росту их товарности, приводил к нивелировке деревни, а в конечном счете неустойчивости сельского хозяйства. В итоге с середины 1920-х гг. темпы роста аграрного производства снижаются, а в конце 1920-х гг. крестьянская экономика, так и не восстановив в полной мере своего дореволюционного уровня, прекращает свое поступательное развитие. Специфической чертой доколхозного периода стало более интенсивное, чем в начале XX в., дробление крестьянских дворохозяйств, которое, помимо того, что являлось ответом на "классовую направленность" аграрной политики режима, знаменовало собой начало процесса нуклеаризации крестьянской семьи.

После перехода к сплошной коллективизации ситуация в сибирской деревне изменяется качественным образом. В ходе грандиозного аграрного переворота большинство сельских жителей под угрозой насилия или поддавшись пропаганде вошло в колхозы. Имущество новоиспеченных колхозников либо почти полностью сдавалось в коммуны или артели, либо ими самими уничтожалось. Недовольные политикой властей и даже потенциально опасные для них, крестьяне репрессировались или вместе с семьями ссылались на спецпоселение, а их хозяйства ликвидировались. Часть крестьян, не желая вступать в колхозы, самостоятельно сворачивала свои хозяйства и бежала из деревни.

Размеры своих хозяйств значительно сократили крестьяне-единоличники, которые превратились в маргинальную группу советской деревни. В начале 1930-х гг. произошло обеднячивание единоличного крестьянства, а затем началась его пауперизация. Уже к 1932 г. аграрная экономика Сибири перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство – ее основной организа-

ционно-производственной ячейкой. К началу 1940-х гг. вне колхозов оставалось в различных краях и областях Сибири от 3,7 до 1,3% крестьянских дворов. При этом удельный вес единоличников, ведущих крестьянское хозяйство, не превышало 1/10 от общего числа единоличных дворов.

Таким образом, к началу 1940-х гг. индивидуальное крестьянское хозяйство в том виде, в котором оно существовало в Сибири с момента начала российской аграрной колонизации, было фактически уничтожено. Его своеобразным рудиментом оставалось личное подсобное хозяйство сельских жителей, которое, пережив многочисленные реформы и преобразования, сохранилось до настоящего времени.

Примечания

1. О взаимосвязи имущественной дифференциации крестьянства с демографической и основных типах его социальной мобильности подробнее см.: Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. С.20—31, 189—198; Огановский Н.П. Закономерность аграрной революции. Т.П. Саратов, 1911. С.471.

2. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976. С.134—136.

3. Зверев В.А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск, 1998. С.35. Подробнее о причинах относительной многолюдности переселенческих семей см.: Зверев В.А. Дети – отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири (1861—1917 гг.). Новосибирск, 1993. С.123—135.

4. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С.375; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С.303.

5. Пронин В.И. Скотоводство Сибири XIX – начала XX вв. (К статистике вопроса) // Из истории Алтая. Томск, 1978. С.110, 113, 115; Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX. Новосибирск, 1967. С.381.

6. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство... С.161—162.

7. Там же. С.141, 148; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня... С.308; Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926—1937 гг.). Новосибирск, 1973. С.30.

8. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С.186.
9. Рассчитано: Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня... С.303; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения... С.135.
10. Рассчитано: Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство... С.373—376, 381—382.
11. Рассчитано: Там же. С.375—376; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения... С.135; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня... С.303, 307.
12. Рассчитано: Пронин В.И. Скотоводство Сибири... С.110—111; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня... С.356; Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство... С.381—382.
13. Рассчитано: Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство... С.381—382.
14. Рассчитано: Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Вып.1: Сельское хозяйство. Новосибирск, 1927. С.36—49.
15. Народное хозяйство Сибирского края (По контрольным цифрам на 1926—1927 г.). Новосибирск, 1926. С.116.
16. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С.251—252, 253.
17. Рассчитано: Горюшкин Л.М. Аграрные отношения... С.177.
18. Сборник статистико-экономических сведений... С.41.
19. Ильиных В.А. "Масляная война" 1923—1928 гг. в Сибири (государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях нэпа). Новосибирск, 1996. С.9—10.
20. Сборник статистико-экономических сведений... С.37, 41.
21. ГАНО. Ф.Р-4. Оп.1. Д.575. Л.19об.
22. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. М., 1927. С.138.
23. Жизнь Сибири. 1922. № 1. С.10; Хенкин Е.М. Первая продналоговая кампания в Сибири // Вопросы истории Сибири. Вып.1. Томск, 1964. С.116.
24. Сборник статистико-экономических сведений... С.36—37; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923 гг. М., 1924. С.125, 131.
25. Сборник статистико-экономических сведений... С.40—42; ГАНО. Ф.Р-659. Оп.1. Д.21. Л.63об.; Сельское хозяйство Сибирского края. Вып.1: Материалы к перспективному плану. Новосибирск, 1926. С.167.

26. Сборник статистико-экономических сведений... С.37, 41—42.
27. Там же; Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С.277, 302—303.
28. Сибирский край. С.280; Сборник статистико-экономических сведений. С.36—37.
29. Ильиных В.А. "Масляная война" 1923—1928 гг. в Сибири... С.78.
30. Народное хозяйство Сибирского края. С.119; Жизнь Сибири. 1929. № 7—8. Приложение. С.V—VI.
31. Сборник статистико-экономических сведений... С.40—42; Статистика Сибири. Вып.1. Новосибирск, 1930. С.58, 60.
32. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму... С.219.
33. Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. 1921—1925 гг. (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск, 1978. С.29; Статистика Сибири. Вып.2. Новосибирск, 1930. С.3—4.
34. Сборник статистико-экономических сведений... С.286; Бюджеты крестьян Сибирского края в 1925/26 г. Новосибирск, 1930. С.ХХIII.
35. Сибирский край. С.323.
36. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С.227.
37. Сибирский край. С.213. В общесоюзных источниках есть небольшое отклонение от данных, приведенных в сибирских: батраков – 9,9%, бедняков – 20,7, середняков – 62,7%. См.: Сельское хозяйство СССР. 1925—1928. М., 1929. С.24—27; Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Стат. сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927—1930 гг. М., 1931. С.66—67.
38. Сибирский край. С.248.
39. Там же.
40. Там же. С.300.
41. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР... С.100.
42. Там же. С.69—71; Статистика Сибири. Вып.2. С.18.
43. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму... С.219, 222, 232.
44. Там же. С.281.

45. Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987. С.227, 231.
46. ГАНО. Ф.Р-12. Оп.2. Д.529. Л.21; Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С.183.
47. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму... С.299.
48. ГАНО. Ф.Р-12. Оп.2. Д.529. Л.20.
49. Там же. Оп.1. Д.1853. Л.2, 79; Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму... С.291, 292.
50. ГАНО. Ф.Р-12. Оп.1. Д.1853. Л.1—2, 21.
51. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму... С.290.
52. Экономико-статистический справочник... С.32; ГАНО. Ф.Р-12. Оп.2. Д.529. Л.20.
53. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму... С.457, 460, 461, 465; Ильиных В.А. "Масляная война" 1923—1928 гг. в Сибири... С.97.
54. Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне... С.247.
55. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму... С.308, 319.
56. ГАНО. Ф.Р-12. Оп.2. Д.529. Л.23, 28.
57. Там же. Оп.1. Д.1809. Л.14; Экономико-статистический справочник... С.32.
58. Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г. М., 1936. С.256, 517.
59. Там же. С.246; ГАНО. Ф.Р-12. Оп.2. Д.529. Л.19, 25, 28.
60. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму... С.319, 346, 347, 361; Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенный период (1935—1941). Новосибирск, 1975. С.48.
61. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму... С.361.
62. Сельское хозяйство СССР. С.517, 549; Итоги переписи скота на 1 января 1936 г. в Западно-Сибирском крае. Новосибирск, 1936. С.4—5.
63. Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С.43.

64. Там же. С.45; Сельское хозяйство СССР. С.246, 256; Сборник статистико-экономических сведений... С.22—24.
65. Сельское хозяйство СССР. С.642.
66. Вылцан М.А. Последние единоличники. Источниковая база, историография // Кооперативный план: иллюзии и действительность. М., 1995. С.81.
67. Сельское хозяйство СССР. С.547, 549; Итоги учета скота. Июнь 1936 г. Западно-Сибирский край. Новосибирск, 1936. С.5, 31; Итоги переписи скота и состояние животноводства в Новосибирской области на 1 января 1940 г. Новосибирск, 1940. С.34, 289.
68. Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С.47.
69. Там же. С.49.
70. Итоги переписи скота на 1 января 1935 г. в Западно-Сибирском крае. Вып.3. Новосибирск, 1935. С.43; Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне... С.76.
71. Итоги переписи скота на 1 января 1936 г.... С.4—5, 9; Итоги переписи скота и состояние животноводства... С.34, 289.
72. Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С.49.
73. Там же. С.48, 49.
74. Итоги переписи скота и состояние животноводства... С.34, 289.
75. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985. С.27; Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С.50.